

Император подошел ближе и присел на край кровати. Он скользнул рукой под одеяло, мертвой хваткой сжав запястье Чи Юя.

Тот, глубоко погруженный в свои мысли, вздрогнул и инстинктивно попытался отстраниться, но Цинь Су лишь крепче сжал его руку. Чи Юй тихо охнул от боли и только тогда посмотрел на гостя.

— Ваше Величество?

Лицо императора было мрачнее тучи. Заметив, что причиняет боль, он немного ослабил хватку, но руки не убрал — его пальцы теперь лежали точно на пульсе. Чи Юй понял: император проверяет его состояние. Видя, что Цинь Су не в духе, он предпочел промолчать.

Вскоре прибыл лекарь. Насколько Чи Юй помнил, Цинь Су ничего не смыслил в медицине — его познания ограничивались умением сосчитать удары сердца. Поэтому, когда император с холодным лицом кивнул лекарю, позволяя тому сменить себя, Чи Юй лишь безмолвно наблюдал за ними.

Он только что очнулся после долгого забытья. Тело было ватным, сил совсем не осталось. Чи Юй полулежал, опираясь на подушки, и тяжело дышал, слегка нахмурившись от дискомфорта.

— Как он? — глухо спросил император.

Лекарь, входивший в число доверенных лиц государя, был человеком опытным и не из робких. Отступив на шаг, он почтительно поклонился:

— В ответ на вопрос Вашего Величества: жизнь генерала вне опасности. Сейчас ему необходимы покой и хороший уход. Однако на душе у господина беспокойно. Чтобы поправиться, ему нужно обрести душевное равновесие.

— Передай рецепт Хун Ци и ступай.

— Слушаюсь.

Лекарь покинул покои, пятясь к дверям. За ним последовала Хун Ци, увлекая за собой остальных служанок. Спустя мгновение в просторном зале остались только император и Чи Юй.

Атмосфера мгновенно стала тяжелой. Воздух словно загустел, сдавливая грудь Чи Юя, мешая сделать полноценный вдох. Он не выдержал и закашлялся. Кашель был сухим, надсадным, и Чи Юй никак не мог остановиться. Согнувшись, он припал к подушкам, хватая ртом воздух и совсем забыв о присутствии императора.

Внезапно его подхватили и прижали к горячему, сильному телу. Перед глазами все поплыло. Чи Юй не успел опомниться, как Цинь Су уже оказался на кровати, крепко обнимая его и удерживая в полусидячем положении, прижимая к себе.

Такая близость не была для них чем-то новым. Чи Юй невольно вспомнил события двухлетней давности — их свадьбу.

Тогда княжество Ци само предложило мир, скрепив его брачным союзом. Пока Чи Юй добирался из родных земель в государство Юэ, его сердце терзали противоречивые чувства. В те времена нравы были суровы, и хотя «мужние жены» мужского пола встречались нечасто, это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Обычно такие браки заключались ради союза двух влиятельных кланов.

Чи Юй был генералом на границе Ци. По умолчанию считалось, что двадцать тысяч преданных ему солдат — это часть его «приданого», переходящая под власть Юэ. Князь Ци, Ци Юань, был единственным сыном и наследником. Он не знал отказов ни в чем. Чи Юй, выросший вместе с ним, понимал, каким позором для князя стали проигранная война и этот вынужденный «брак».

Сам Чи Юй знал: его солдаты — это старая гвардия семьи Чи. Другие военачальники Ци так и не смогли их подчинить, и их передача Юэ в качестве приданого фактически спасала верных людей от интриг старых сановников Ци. Чи Юй презирал тех, кто ставил власть превыше чести.

И всё же его поразило то внимание, которое проявил к нему Цинь Су. Церемония возведения в сан императрицы была неоправданно пышной. Более того, император не заставил его облачаться в женские одежды: подвенечным нарядом Чи Юя стало парадное чиновничье одеяние защитника государства первого ранга.

Это был настоящий брак, а не просто акт капитуляции. С того дня Чи Юй официально стал подданным Юэ.

В брачную ночь он гадал, что произойдет. Пока он жил в Ци, молва гласила, что Цинь Су уже два года «держит его при себе», и многие верили, будто они давно стали любовниками. Но это было не так. Тогда они лишь вели долгие беседы о поэзии и государственных делах. Для всего мира он принадлежал Цинь Су, и Чи Юя мало заботило, так ли это на самом деле.

Что сделает император в первую ночь? Пользуясь случаем, возьмет его силой? Будет угрожать? Предложит власть в обмен на преданность? Попытается отобрать командование армией?

Меньше всего Чи Юй ожидал, что Цинь Су принесет с собой дюжину кувшинов крепкого вина. Они сидели на краю кровати и в полном молчании пили — кувшин за кувшином. Когда хмель ударил в голову, Цинь Су произнес:

— Я и помыслить не мог, что настанет день, когда я стану императором. Это место, эта

кровать... То, о чем моя матушка мечтала всю жизнь, теперь принадлежит мне.

Чи Юй тоже был пьян. Он затуманенным взглядом посмотрел на Цинь Су и ответил:

— А я и помыслить не мог, что когда-нибудь стану императрицей.

В юности Чи Юй был полон амбиций. Он представлял, что его будущая жена будет обладать копной иссиня-черных волос и нежной, как нефрит, кожей. Она должна быть хрупкой — такой, чтобы её лицо можно было укрыть ладонью. С влажными, робкими глазами, тонким носиком и губами... нет, не тонкими — это сулит несчастье, — а мягкими, полными, чья улыбка озаряет всё вокруг.

Теперь же перед ним сидел человек с копной черных волос, но совсем не шелковистых. Кожа его была далеко не бледной — здоровый, крепкий загар. Лицо с резкими чертами дышало холодом и властью, а он сам смотрел пронзительно и мрачно. Нос был прямым и высоким, а губы — тонкими. От одной лишь его улыбки кровь стыла в жилах.

Это была его «невеста». Его государь. Его... «супруг».

Чи Юй не знал, смеяться ему или плакать, но сдержался. В свете свечей взгляд Цинь Су, смягченный вином, казался пугающе притягательным. Чи Юй, словно поддавшись наваждению, медленно подался вперед.

Мир качнулся: его подхватили, и вот они уже оба рухнули на устланное красным шелком ложе. Кровать была огромной, пустой — если бы не они двое, она казалась бы бескрайним полем.

Цинь Су прижал его к себе, уткнулся лицом в изгиб шеи и глухо рассмеялся:

— В детстве я больше всего хотел, чтобы отец оценил доброту матушки. Хотел, чтобы он с почестями ввел её в этот дворец. Когда она умерла, я захотел лишь одного — чтобы он заплатил за всё. Он был так велик! Одним приказом мог лишить меня жизни... Как я мог смириться? Знаешь, когда я ворвался с войсками во дворец, этот старик еще смел смотреть мне в глаза и называть «негодным сыном». Ха! Я не признаю его отцом! Я сделаю так, чтобы его род пресекся на мне!

Он снова рассмеялся — от этого звука по коже пробежал мороз:

— Здесь всё, и всё Юэ... Раньше это было его, а теперь — мое. Я заставлю его смотреть с небес, как я правлю этими землями, как я совершаю то, что ему было не под силу, а потом — я отдам всё это чужакам! Пусть он кается перед предками! А ту тварь и весь её род я истреблю под корень, чтобы в загробном мире она вечно вымаливала прощение у ног моей матери!

Разум Чи Юя двоился, он понимал, что не должен этого слышать, но старые раны в его

собственной душе тоже заныли:

— А мне на кого роптать? Если государь велит подданному умереть, тот не вправе ослушаться. Отец погиб не напрасно.

Цинь Су приподнял его за подбородок и свирепо прошептал:

— Ты теперь мой. И неважно, есть в твоём сердце обида или нет — ты будешь служить мне. Я не учился быть императором. Ты мастерски воюешь и смыслишь в делах управления. Город Вэньцзян уже почти превратился в твоё личное королевство, и эти назойливые чиновники так и твердят, что мне нужно «искоренить угрозу». Я не настолько глуп. Теперь ты — мой человек, так иди и правь этим миром ради меня!

Чи Юй тупо смотрел на него:

— Ты так мне доверяешь?

Цинь Су придвинулся почти вплотную:

— Это не доверие.

Он склонился и прикусил его губу. Сквозь тяжелое дыхание отчетливо прозвучало:

— Я сделаю так, что ты сможешь полагаться только на меня. Тогда доверие не понадобится — у тебя просто не останется иного выбора, кроме как служить мне.

Это была правда. Горькая и страшная правда, от которой на трезвую голову стало бы не по себе. Но тогда Чи Юю почему-то стало спокойно.

И вот сейчас он снова в тех же объятиях — таких же властных и удушающих.

— Наконец-то очнулся, — раздался над ухом всё тот же вкрадчивый, пугающий голос. — У меня к тебе должок имеется. Я же сказал: ты мой человек. И ты вот так запросто позволил проткнуть себя в двух местах? Тебе есть что сказать в оправдание?

На сей раз спокойствия не было. Сердце Чи Юя пропустило удар.

— Я... — начал он, но голос подвел, сорвавшись на хрип.

Император холодно усмехнулся, дотянулся до стоявшей у изголовья чашки с теплой водой и вложил её в руки Чи Юю. Тот жадно выпил всё до капли, прежде чем снова посмотреть на

Цинь Су.

— Получив эти две раны, я расплатился с ним по счетам, — тихо произнес Чи Юй. — Теперь я и впрямь могу полагаться только на Ваше Величество.

Лицо императора немного смягчилось.

— Когда это ты был ему должен?

— Я всегда помню: каким бы он ни был, однажды он спас мне жизнь.

Цинь Су протянул руку и коснулся щеки Чи Юя. Генерал был пугающе бледен из-за долгого беспамятства.

— Я спасал тебя не единожды. Запомни это хорошенько.

Он отстранился, уложил Чи Юя обратно на кровать, ловко вытащил лишние подушки и заменил жесткий фарфоровый валик мягким. Все его движения, хоть и лишённые нежности, были точными и уверенными.

Забрав пустую чашку, Цинь Су поставил её на столик.

— Я приду вечером. Подумай пока, о чём нам стоит поговорить.

Чи Юй смотрел в спину уходящему императору.

Будь у него память только об этой жизни, он, вероятно, задохнулся бы от негодования из-за подобного властного произвола. Ведь Цинь Су был прав: Чи Юй лишился всего. Репутация, семья, армия — всё теперь в руках императора. Он стал марионеткой, которой дозволено жить лишь по воле кукловода, и за редкие крохи императорской милости он обязан был платить безграничной благодарностью.

Но Чи Юй помнил гораздо больше.

Перед глазами всплыл иной образ: кровать с темно-зелеными простынями и настенный светильник с витым желтоватым абажуром, отбрасывающий причудливые тени на ткань.

Он медленно успокоился и закрыл глаза.